

CHESTERFIELD

Наталья Владимировна Куродоева родом была из какого-то среднерусского города, вроде Куйбышева. А может, Волгоград был, не помню. В Москве она пролезла каким-то образом в ММСИ. ММСИ, хоть и не такой блатной был, как первый Мед, а все ж с улицы туда особо не брали. На стомате конечно только свои, потомственные, а на терапии – всякие дворняжки. Там и папенька твой учился, и Танечка Друбич – та, которую Соловьев впоследствии в актрисы произвел. Как раз с папенькой в одной группе, они еще попу ее потом горячо обсуждали.

За Москву надо было зацепляться, и Наталья Владимировна завела связь с преподавателем. Мужчина был хоть и в годах, зато профессор. Развелся с семьей, бросил имущество, кооператив приобрел на краю географии. Из института тоже пришлось уйти. Зато жена на тридцать лет младше. Есть еще песок в пороховницах!

Наталью Владимировну он после института в интернатуру запихнул, в Склиф. Там однокашник его отделением клинической патологии заведовал. После меда шли либо в ординатуру, либо в интернатуру. Интернатура покруче, там можно было диссертацию писать. Наталья Владимировна и писала, под научным руководством того самого зав отделением.

А тут твой папенька. Как он в ординатуру Склифа пробирался, то отдельная песня. Трахал он тогда все, что движется. Ума в нем было немного, зато расчетлив. И цифры хорошо запоминал: кто сколько зарабатывает, кто что за сколько купил.. В патанатомии тогда целый букет девушек трудился, так что рара не скучал.

С Натальей Владимировной они не сразу снохались, а через полгода, под Новый год примерно. Она его дразнила сперва. Он тогда у меня на Сретенке жил. Ему удобно было, – десять минут – и на работе. А там цветник.

Я про кобелированья его не то чтоб не знала, но до мельтешения этого патологического не снисходила. Считала, что меня оценят, когда повзрослеют. А у них там в отделении коллективные пьянки постоянно устраивались. Слово "корпоративы" тогда еще не придумали. И этот, однокашник-то, он может и слил голубков. А может и не он. А только профессор стал внезапно следить за Натальей Владимировной. На машине за ней подъезжал, незаметно за троллейбусом ехал, в котором она с твоим папой каталась. То есть это он думал, что незаметно.

Негрецкий в тот вечер пьяный пришел не то чтобы в хлам, но близко. Спать сразу упал. Я раньше пьяных вблизи не видела, твой папа был первым опытом. Так он когда заснул, я успокоилась: не будет орать, предметы ломать и бросаться. А в полдвенадцатого где-то его к телефону позвали. На Сретенке, там же коммуна была, и мне сосед постучал, Сашка-пожарник. Тихо так сказал, мол, Андрея просят.

Ну не будить же животное. Пошла к телефону. Звонила женщина, не представилась.

Очень просила Андрея Петровича позвать. Я, говорит, больше никогда не позовю.

Ну уж и никогда. Утром позовите, я ей предложила. Сейчас никак не сможет.

А через день после того стало известно что Наталью Владимировну Куродоеву убили. Это Негрецкий мне объявил, по телефону. Я еще удивилась мельком, что он так торжественно, полным именем. Обычно-то он ее Наташкой называл, в разговорах.

Ножом она была убита. Сорок с чем-то ударов ей нанесли. А потом муж с собой покончил. Вся квартира была кровью залита.

Это как-то постепенно мне рассказывалось, по частям. Там конечно все патотделение кипело. Следователь к ним приходил, на допросы вызывали – всех, включая шефа.

А я беременной была в тот момент, и надо было что-то думать, восемь недель уже.

Папенька твой сразу сгинул – как ушел на работу с понедельника, так и не видела я его дней восемь. Звонил периодически, детали рассказывал.

Муж ее и раньше хотел убить, она подозревала. Провода к ванне подсоединял, чтобы ее разрядом ударило, когда она в ванне лежит. Потом следы там в квартире обнаружились, в носках кто-то ходил, по крови. Неясно, чьи. И записная книжка ее пропала, с которой она не расставалась. Книжку искали, следователь очень интересовался. А потом как-то бросил: убийство с последующим суицидом, чего там копать-то.

Они потом ездили туда, в Закобякино, из которого Наталья Владимировна родом, к матери ее. Накануне собирались в моей комнате на Сретенке. Мне твой папенька велел стол накрыть и уйти. Чтоб без посторонних им горевать. А вернуться уже на следующий день, убрать там.

На следующий день в комнате клубами плавал синий вонючий дым, форточка была закрыта. Стол был относительно прибран, я удивилась.

А беременность я решила тогда сохранить. Все-таки это тяжело на меня подействовало, на голову.

– Что это ты так растолстела, мил моя, спросила маменька. – Распустилась, вон, юбка еле сходится. Совсем за собой не следишь.

Я в это время мыла посуду.

– А я беременная, – сказала я. И повернулась посмотреть на реакцию.

Мамаша и бровью не повела. Поинтересовалась, кто счастливый избранник.

Я объяснила, что замуж не собираюсь. Какая разница, кто.

– Все равно, приведи сюда, – потребовала мамаша.

Ну привела. Недели через две. И чо? Он для брака не годился, даже мне было ясно.

Спросили, где работает. Как-то не запомнилось ничего. Бесцветная какая-то встреча.

Маменька потом объявила, что обязательно нужен замуж. Веско так объявила. Увесисто.

Ребенку, говорит, нужен отец.

Недели три прошло. Вдруг он как брякнет – в какие часы загс работает? Я аж задохнулась.

Посмотрела. В субботу заявления не принимали. Как раз суббота была. Эх, жалко. Он может потом передумает.

И тут он меня пригласил куда-то, избранник мой. Предложение наверное делать.

Приехали в пивную на Парке Культуры. Там плавал сизый мерзкий дым. Пили вонючее пиво. Меня тошнило, но я старалась пореже дышать. Жениться же собираемся.

Потом как-то засохла тема. А в середине июня мы все-таки потащились в загс.

Это после того как папики еще раз с Негрецким встретились. Без меня, я потом узнала.

Пугнули его маленько. Он тогда в Склифе на грани увольнения висел, после убийства-то. А тут, значит, родители мои вынудили его жениться. Ему это обидно было. Это, он говорил, ему жизнь совершенно сломало.

В загсе сказали, что заявления принимаются на сентябрь. Очередь у них. Вспомнив маменьку, я решительно сказала: в сентябре мы не можем. У меня беременность семь месяцев. Негрецкий молчал. Третий брак надвигался на него катком.

– Ну ладно, сказала загсовская тетка. И назначила регистрацию на 7 июля.

Живот был маленький. Я носила бабушкины платья и стеснялась. Один раз ко мне под克莱ился какой-то дятел в метро. В театр приглашал. Я молчала. Не знала, издевается он или ослеп.

В загсе дали приглашение в магазин для новобрачных. Голубое с золотом. Я ездила. Ничего, интересно. Блестит все, манекены с потолка свисают. Товары дефицитные продают. Трусы там разные, туфли. Только дорого очень.

Платье с фатой мне не хотелось – живот же. А вот кольцо хотелось. Чтоб видно было, что замужем. Хотя конечно кольцо это мещанство.

7 июля я натянула драповую юбку, которую сама сшила, синий французский пиджак просторного размера и венгерскую белую блузку. Маменька себе привезла, но блузка ей разонравилась. Негрецкий... а вот не помню, в чем был Негрецкий. Помню как зубной пастой ему белые тапки закрашивала. Но то может и не на свадьбу было, в другой раз.

Папа приехал за нами на ольгиной Волге, мы сели в машину – я, Негрецкий и две мои одноклассницы. Тогда в загс надо было со свидетелями. Я сидела рядом с папой.

– Не оглядывайся, – сказали мне девочки.

Опаздывали, я нервничала. А Негрецкий наоборот, вроде даже и рад был, вдруг опоздаем. На входе в загс подбежал фотограф. Цену назвал несусветную. А Негрецкий внезапно с энтузиазмом откликнулся – да-да, непременно.

50 рублей за фотографии? Он совсем с глазури съехал?

Деньги у меня были. Мне папа дал. Подарил. Много, рублей сто. Очень жалко было фотографу половину отдавать. Ну, что делать. Заплатила. Хорошо хоть он музыку не заказал. Там музыку тоже предлагали.

Тетка строго зачитала нам назидание по бумаге, принесли паспорта на подносах, мы расписались в книге. Загсовские смотрели с неудовольствием.

Потом поехали на Банку. Там посидели за столиком в большой комнате. Мои одноклассницы, тетя Клава, Вася и мама. Папа куда-то уехал. Вася подарил мне цветы гладиолусы, а мама старую хлебницу. Она немного поржавела, они новую купили. А старую, чтоб не выбрасывать, отдали мне. Негрецкому мама подарила индийское кольцо из дешевого золота. На добрую память.

Мы поели салатов, тетя Клава сказала – горько, мы поцеловались, доели дачную клубнику, а потом стали расходиться. Негрецкий куда-то торопился, но выходили вместе. И я, когда шла из подъезда, обронила как-то кошелек. Раствора. Там 50 рублей оставалось, после расчетов с фотографом. А теперь и вовсе ничего. Надо было все-таки музыку в загсе заказывать.

Фотографии я ждала. Уже и ребенок родился, а их все не присыпали и не присыпали. Но и через несколько лет я все представляла, как они лежат где-то на полке, хранятся. А фотограф наш адрес потерял.

Кошелек же потом нашелся. Его какая-то добрая женщина подобрала, в нем был мой телефон. Она в соседнем доме жила, оказалась бывшая сокурсница моей мамы. Только денег там почему-то не было. Верней, осталась всего десятка. Ну не могла же мамина сокурсница деньги украсть? А если бы украла, зачем кошелек возвращать?

Связать пропажу с Негрецким я догадалась лет через тридцать. Кошелек он второпях плохо на место приткнул, когда деньги вытаскивал. А торопился в загс, к фотографу, – заказ отменять.

Когда я выходила замуж, государство дало мне премию 100 рублей. За первый брак тогда всем давали. Негрецкий ничего не получил, по третьему ходу, а я – да. Давали, кстати, похитрому: отоварить вексель можно было только после регистрации. Я отнесла чек в сберкассу, предъявила паспорт со штампом и поехала в мебельную комиссионку со своей соткой. И купила там дивный складной диван. И привезла его в свою коммунальную комнату на Сретенку, на пятом этаже. Мне его туда втащили. Это все тогда великой удачей было, диван зацепать, перевезти его тут же, и начать пользоваться.

Промчалось время. Примерно месяцев через десять папа узнал про мой диван. Вещь практичная: сложишь – односпальный, разложишь – двухспальный.

И папа предложил сделку века: он мне сам на своей машине подгоняет ихнюю двухспальную арабскую кровать, достаточную по случаю и по большому блату каких-то лет пятнадцать назад. А я отдаю ему свой диван. И бонусом получаю зеленое косматое покрывало, которое эту священную кровать покрывало.

У меня прямо в зобу дыханье сперло. Мне – и такое богатство! Я тут же согласилась. Это все бесчинство осуществилось во время маменькиного куда-то отъезда. Она тогда по командировкам тусила.

Мамаша приезжает – тю! В хате новый диван, папа на кушеточке в другой комнате, зеленого покрывала нема.

Покрывало правда пришлось отдать, а то б сгрызла. А диван там прижился.

– Лучше всего пеленки из старых простыней получаются, они мягкие, – говорила моя мама. И я старалась, резала старые простыни на квадраты и прямоугольники, обметывала края. Экономила, чтоб обрезков не было. Функциональных пеленок в итоге оказалось две: их подарила наша няня тетя Клава. Хорошие, фланелевые. Большие. Дорогие наверно. А которые я нарезала, те на тряпки пошли.

В роддоме по палатам ходил чувак с ведром зеленки и веревочным квачом на палке, как для мытья пола, и мазал всех мамочек между ног и по груди. От стафилококка.

Душа не было, из умывальника текла только холодная вода.

Родственников не пускали, но можно было помахать через окно, если приходили. Мама передала мне антоновские яблоки и обезжиренное молоко за 16 копеек.

Есть хотелось все время. Меня подкармливали соседки. Там помногу приносили, у всех что-то оставалось.

Выписали неожиданно, всего через два дня, и когда я позвонила домой, забирать нас оказалось некому.

– Что, так быстро?

В конце концов собрались моя маменька с Негрецким. Встретились в метро и всю дорогу ругались, кто будет платить за такси. Негрецкий нес четвертак для медсестры. Мне так сказали, медсестре надо сунуть 25. А за такси, он думал, бабушка раскошелится, на радостях. Он вообще сперва надеялся, что приедет профессор на "Волге".

Заранее тачку не брали, чтоб лишнего не тратить.

Ребеночка завернули в одеялко, которое я сшила, перевязали пеленкой из старой простынки ("а ленты что, нет?" – удивилась медсестра), надели мою младенческую шапочку, она оказалась велика. Пошли.

Оказалось, что я очень слабая и не могу идти быстро. Дойти до большой улицы оказалось ужасно трудно. Стоять было еще хуже. Наконец поймали, частника.

Дорогой все молчали, потому что так и не доругались, кто платит. Когда уже подъехали к Банке – ехали к родителям, – маменька светским голосом сказала:

– Так вы рассчитаетесь, Андрей? А то я выскочила, даже кошелька не захватила.

Вот так она его сделала, как котенка. Он с этим браком сильно просчитался.

Приснилось, что я на Банку пришла, рассматриваю. Как там переменилось все: и внутри, и снаружи. А они все ушли, к Новому году готовятся. Ну, я по обыкновению шукаю там, порядок свой навожу. Потом маменька появляется. Недовольная. Что-то выговаривает мне, долбит, с унылым остервенением. Покидаю ее, дальше иду, до Игоря.

По пути вижу – две, женского пола, за столом сидят. Головы у них большие и белобрысые, я удивляюсь. У Игоря волосы темные, в папу. Одна поменьше – ребенок их, вероятно. Потом с сыном встречаемся. Разговариваем. Я сижу, приложив ухо к его груди.

– А как ребенка зовут?

– Ніколи..

Я проснулась и вспомнила, что ніколи значит никогда.

Никогда, никогда.

2016-2018